

*Если спросят: как пишу?
Что ответить? – не спешу.
Подбираю слово к слову.
Сигаретку не гашу.
(В. Озолин. «Работа»)*

К 75-летию со дня рождения талантливого омского поэта Вильяма Озолина вышло в свет второе издание книги Александра Лейфера «Мой Вильям».

СИБИРСКИЙ ОКУДЖАВА

омская МУЗА

— 2006, декабрь

Книга представляет собой оригинальную композицию из личных воспоминаний автора, писем и дневниковых записей Озолина, писем его матери, жены и даже... некрологов. Эту документальную книгу без преувеличения можно назвать и реквиемом по ушедшему другу, и гимном настоящей мужской дружбе. Особую ценность придает изданию то, что в нем Александр Лейфер приоткрыл перед читателем чуть ли не полувековой пласт сибирской интеллектуальной, творческой жизни. Это одна из самых лирических книг в мемуарной литературе последних лет.

Отдельные избранные фрагменты позволяют получить представление о тональности книги, посвященной человеку, которого по праву считают сибирским Окуджавой.

«...Познакомился я с Озолиным где-то, видимо, или в конце 67-го, или в начале 68-го, когда вернулся в Омск после учебы в университете. Мы жили по соседству – возле вокзала, хотя в гости друг к другу тогда не ходили – отношения были пока не те. Однажды встретились на привокзальном, или, как его еще называют, Ленинском базаре. Вильям нес в одной руке сумку с продуктами, а в другой – новенький, видимо, только что купленный веник-голик. Хозяйственные атрибуты шли ему как корове седло, поэтому, наверное, мне и запомнилась эта встреча. Он смутился, чуть ли не застенялся своего хозяйственного вида, пробормотал что-то шутовское и постарался побыстрее распрощаться.

...В 1970 году я участвовал в областном семинаре молодых авторов с рукописью документальных краеведческих очерков. Рукопись похвалили, Озолин, думаю, это, что называется, усек.

Вскоре я начал печатать в «Омской правде», где работал, серию очерков о пребывании в Сибири Ф. М. Достоевского. В ноябре 1971-го исполнялось 150 лет со дня его рождения, впервые за всю советскую историю юбилей намеревались отмечать широко: начали съемку нескольких художественных фильмов, готовились к выпуску первые тома Полного собрания сочинений в 30 томах. Как вскоре оказалось, Вильям мои очерки читал, и не просто читал, а вырезал и откладывал.

Затем, в марте 1971-го, в Омске проходил еще один литературный

семинар – поэтический. Я, стихов не пишущий, участвовал в нем лишь как «болельщик», а также как сотрудник «Омской правды» – поручено было написать отчет. Одним из руководителей семинара был приехавший из Новосибирска критик Виталий Георгиевич Коржев – заведующий отделом критики и библиографии «Сибирских огней». Мне вдруг сказали, что он хочет меня видеть. Оказалось, что Озолин передал ему газетные вырезки с моими очерками о Достоевском. Так с легкой руки Вильяма я познакомился с Коржевным и начал печататься в «Сибирских огнях», журнал этот на долгие годы стал для меня своим.

Примерно в то же время Озолин познакомил меня со своим близким другом Марком Давидовичем Сергеевым – тогдашним руководителем Иркутской писательской организации, талантливым литератором и замечательным, редким человеком. Через Сергеева я изредка публиковал очерки и рецензии в иркутском альманахе «Сибирь». А в те годы каждая журнальная публикация была для меня событием, праздником.

Тогда же, в начале 1970-х (и тоже, разумеется, через Вильяма), состоялось знакомство с Романом Солнцевым, с ним я дружу и сотрудничаю по сей день.

То есть постепенно, как бы между делом, Озолин приобщал меня к кругу своих друзей, расширял мои знакомства и в географическом (Новосибирск, Красноярск, Иркутск), и – что, разумеется, главное – в человеческом смысле.

Воспоминания Александра Лейфера об Озолине особенно ценны, поскольку автор был не только другом поэта, но и свидетелем его творческого становления. Лейфер мастерски воссоздает атмосферу тех дней, живо описывает яркие моменты биографии Озолина, позволяя заинтересованному читателю глубже понять талантливого поэта.
«...Дебют Озолина состоялся на излете благодатной поры, которую принято называть «оттепелью». В середине 1960-х годов в Чите

*Я за жизнь свою
не накопил
денегат.
То, что было, –
не воротить,
не вернуть.
Деньги – что?..
Они на улицах
лежат.
Ну а друга –
так вот,
просто,
не найдешь!*

и Кемерове прошли литературные молодежные семинары, открывшие читателю немало новых имен. Одним из «открытий» стал и омич Вильям Озолин. Он приехал в Кемерово с гранками книги «Окно на Север» и прямо на семинаре получил рекомендацию в Союз писателей. Успеху немало способствовали добрые слова Ильи Сельвинского, наставника Вильяма по Литинституту. В коротком предисловии к будущей книжке ученика старый мастер писал: «Вильям – сплошная эмоция, сплошной темперамент. Вся его жизнь отдана чувствам. Таковы же его стихи».

Важно и то, что первая книга тридцатипятилетнего поэта была опубликована под его собственной фамилией. Еще не так давно это ему не рекомендовалось: загубленный в конце 30-х годов отец (тоже литератор) тогда еще не был реабилитирован, и Вильям подписывал свои первые публикации в периодике фамилией матери – Гонт.

Вскоре сборник «Окно на Север» вышел в свет.

Явный успех первой книжки, прием автора в писательский Союз через голову местной организации, подчеркнуто независимое поведение – все это пришлось не по душе некоторым землякам поэта. И в начале 1970-х он уехал из нашего города.

А потом были Чита и Барнаул. Были новые стихотворные книги, попытка – и весьма удачная – работы в

прозе. Была негромкая, но прочная известность у читателей, чему способствовали многочисленные поездки по стране, в первую очередь – по Сибири».

Несмотря на вынужденный отъезд Озолина из Омска, дружба между ним и Александром Лейфером не прервалась. Друзья постоянно переписывались, доверяя друг другу свои мысли, обсуждали творческие планы, делились переживаниями. В книге «Мой Вильям» приведена часть этой переписки.

«Как правило, в левом верхнем углу письма, там, где на «фирменной» почтовой бумаге размещался какой-нибудь рисунок, он тоже что-то рисовал цветными фломастерами.

Озолин был неплохим художником и наверняка мог бы рисовать не только кишки и партийные плакаты в Омском мединституте.

Вильям уехал в чужие края, но зато никогда больше не зарабатывал рисованием пораженных язвой желудков и «наглядной агитацией» о неуклонном росте нашего благосостояния. Писал стихи и прозу, занимался журналистикой, выступал перед читателями, ездил в творческие командировки. И хоть действительно «за жизнь свою не накопил денег», но получал свои скромные рубли, занимаясь любимым делом, имел нормальные жилищные условия. В Омске всего этого наверняка бы не было...»

Изменив прописку, Озолин по-прежнему оставался преданным своему родному городу, с которым его связывали не только воспоминания, но и друзья, мечты и надежды.

«...Причину грусти, то и дело пробивавшейся сквозь строки бодрых писем, приходивших мне из Читы, понять было нетрудно. Озолин попросту скучал – по Омску, по привычной обстановке, по матери, с которой был всегда по-това-

В минуты дружеских бесед с писателем В. Викторовым

и поэтом-прозаиком В. Балачаном

рически близок, по друзьям... Он и при редких наших встречах, весело рассказывая о том, как отлично у него идут дела в Чите (а потом и в Барнауле), нет-нет да и умолкал, внезапно отключался и как бы уходил куда-то внутрь самого себя. В такие моменты в его огромных глазах стояла настоящая тоска. Через секунду он встряхивался, и веселый разговор катился дальше. Неоднократно пишет Вильям об Омске в своем дневнике:

«...Если бы спросили:

– Хочешь вернуться в Омск?

Не стал бы кокетничать.

– Хочу. Все хорошее и плохое, все произошло в Омске. Да вот «хочу» и «могу» – разные вещи. Не могу!»

«Кажется, Гейне принаделжит мысль, что если мир треснет, то трещина пройдет по сердцу поэта».

Лейфер подмечает, что Озолин был истинным литератором и патриотом, глубоко переживающим все проблемы своей Родины. Об этом свидетельствуют его дневниковые записи.

В своей книге автор создает яркий, полный жизни образ Вильяма Озолина, передавая его характер, привычки и убеждения.

«...Вильям всегда был резок в своих оценках и суждениях. Да и сама его фигура вызывала и до сих пор вызывает неоднозначную реакцию.

О Вильяме до сих пор спорят те, кто вполне хорошо к нему относился. Несколько лет тому назад такой спор даже нашел отражение в печати. Один из авторов, говоря об омских «шестидесятниках», причислил Озолина к диссидентам. Другой заявил, что такое утверждение ошибочно и что вообще – Вильяма из Омска никто не гнал. Тут трудно судить однозначно. Диссидентом, то есть человеком, активно выступавшим против существовавшего политического режима, Озолин, конечно, не был. (Например, среди написанных им стихов есть и вполне просоветские.) ...Расскажу сейчас историю, которую знают далеко не все. Одно время комитет государственной безопасности по Омской области возглавлял генерал Михаил Андреевич Лякишев. Необычный это был генерал. Написал, например, веселую пьесу, по которой Омская музыкальная поставила спектакль. Устроил на непильную работу в отдел НОТ (научной организации труда) богатого оборонного завода всюду гонимого за «антиобществен-

ное» поведение брата поэта Павла Васильева – Виктора Николаевича. И вот в один прекрасный день Вильям Озолин был приглашен в КГБ. Нетрудно представить, с какими чувствами шагал он на улицу Ленина – в наш знаменитый Серый дом... Но в кабинете генерала (а провели его именно туда) ему было сделано ...интересное творческое предложение. Разумеется, Вильям ждал чего угодно, только не этого; возможно, от неожиданности и откасался...»

Несмотря на непростую судьбу, Озолин сумел сохранить жизнелюбность, любовь к Родине, веру в людей и в дружбу. Его стихи, словно обращенные к близкому другу, наполнены глубоким смыслом, острыми переживаниями. Их отличают добрый юмор и искренность, смелость и глубокая правдивость. Озолин писал о том, что близко любому человеку: о мечтах, грусти, любви, надежде, вере в хорошее...

*Я за жизнь свою
не накопил денегат.
То, что было, -
не воротить, не вернуть.
Деньги - что?..
Они на улицах лежат.
Ну а друга -
так вот, просто, не найдешь!*

*Поезда идут на Север и на Юг,
но меня не тянет
в теплые края.*

*Север - друг большой,
он мой суровый друг.*

*Ну а Юг -
всего лишь девушка моя!*

*Провожая друга.
Курим - и в полет!
Где искать его
среди северных ветров?
Год пройдет,
но друг найдется,
и придет
он привет тебе
с Шантарских островов!*

*Два каюра, две упряжки
и пурга...*

И не видно ни ночлега, ни огня...

*Если б ты со мной
по северным снегам
только раз прошел -
ты понял бы меня!*

Редакция выражает благодарность Ирине Вильямовне ОЗОЛИНОЙ, дочери поэта, и Владимиру Николаевичу ПЕЧУРИНУ за предоставленные фотографии. Все снимки публикуются впервые.